

<https://doi.org/10.18500/0320-961X-2021-20-391-398>.

Античный мир и археология. 2021. Вып. 20. С. 391–398.

Ancient World and Archaeology. 2021. No. 20. Pp. 391–398.

<https://ama.sgu.ru/ru>

Для цитирования: *Смыков Е.В.* Несколько слов о Таисии Павловне Кац // Античный мир и археология. 2021. Вып. 20. С. 391–398. <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2021-20-391-398>.

For citation: *Smykov E.V.* A few words about Taisiya Pavlovna Katz. *Ancient World and Archaeology*. 2021. No. 20. Pp. 391–398 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2021-20-391-398>.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТАИСИИ ПАВЛОВНЕ КАЦ

Е.В. Смыков

*...Был Человек.
Жил Человек со смыслом,
И помер Человек не зря!
(В. Соловьёв)*

Начало августа 1979 г. Толпа абитуриентов штурмует узкие двери четвертого корпуса СГУ на площади Революции – сегодня должны быть вывешены результаты сочинения. Таисия Павловна Кац, встав в дверях, пытается сдерживать этот натиск. «Товарищи, ну куда вы так лезете? Подождите немного, сейчас все узнаете! Ну что вы так напираете? Ну вот Вы, куда вы рветесь?» (Вопрос обращен к взлохмаченному юнцу с явно избыточным весом, который, пользуясь своими размерами, прет вперед, как танк) «Фамилия Ваша?» – «Смыков» – «Два у Вас!». Списков в том году я дожидаться не стал...

Октябрь 1980 г. Таисия Павловна Кац знакомится с группой на первом курсе вечернего отделения. «Смыков» – «Здесь!» – «Что-то мне Ваше лицо знакомо...». Переключка продолжается. Вдруг: «А, теперь вспомнила Смыкова!».

Октябрь 1981 г. Первокурсники дневного отделения, после месячной трудовой закалки в колхозе, приступили к учебе. Первая лекция по истории Древнего Востока, в аудиторию входит Таисия Павловна Кац. «Господи, снова Смыков как призрак беспощадный на моем пути!» Призрак оказался очень беспощадным – за этими тремя встречами последовали тридцать лет общения, или, скорее, отношений ученика с Учителем. Сама Таисия Павловна Учителем себя, пожалуй, не считала. «Я шкраб!», – неоднократно говорила она про себя, с гордостью произнося это ныне совсем забытое слово из ранних лет Великой пролетарской революции. Но именно «шкрабовское» внимание к каждому студенту, который проходил через ее руки, делало ее Учителем.

Мне доводилось слышать, как кое-кто, иногда даже и профессора, отзывались о Таисии Павловне слегка высокомерно-пренебрежительно: и ученым она не была, и преподаватель средний, и методичку плохую составила. Я думаю, такие отзывы больше говорят об их авторах, чем о той, к кому они относятся. Была ли Таисия Павловна ученым? Не-

сомненно. Те немногие статьи, которые она опубликовала, вполне соответствуют уровню науки того времени, написаны со знанием предмета, четко, логично. Конечно, от недостатков они не свободны, особенно с точки зрения нынешнего времени, когда и информационная база несопоставимо шире, и доступность материалов гораздо больше, да и опубликоваться намного легче. И все-таки не стоит забывать: опубликованные работы опираются в основном на кандидатскую диссертацию; Таисия Павловна с ее острым критическим умом и вниманием к деталям, могла пойти гораздо дальше, и пошла бы – но она предпочла другой путь, путь шкраба. Наука лишилась перспективного исследователя – но исторический факультет Саратовского университета приобрел преподавателя, который стал Учителем для поколений студентов. В 1995 году, когда факультет праздновал свое шестидесятилетие, в одной из саратовских газет были опубликованы ответы выпускников истфака на вопрос о преподавателях, оказавших на них большое влияние. Один из отвечавших, в те поры достаточно видная фигура в правительстве Саратовской области, назвал двух людей – Игоря Васильевича Пороха и Таисию Павловну Кац, известного ученого и скромного шкраба. Это ли не показатель того, насколько важна была Таисия Павловна в жизни факультета!

Конечно, хорошо, чтобы преподаватель успевал все – и преподавать, и наукой заниматься. Но даже в те времена это было почти утопией. Университет был все-таки не НИИ, и учебная работа в нем всегда была главной. Этой работой и занималась Таисия Павловна, из года в год, пропуская через свои руки десятки студенческих работ ежегодно, ведя практические занятия, приучая внимательно относиться к тексту источников, т.е. закладывая тот фундамент, который позволял первокурснику стать в дальнейшем специалистом. Задача была не из легких. Конечно, разрыв между школой и университетом в те времена был не столь глубоким, как сейчас, но он был, и переход от школьных учебников к университетским, а тем более к изучению специальной литературы, был достаточно сложным. И вот – история Древнего Востока, мир исчезнувших государств и царей с именами, столь же грозными для первокурсника, сколь грозными были при жизни сами эти цари для своих врагов (Таисия Павловна, смеясь, неоднократно рассказывала, как студентка использовала мнемонический прием для того, чтобы запомнить имя Тиглатпаласар – «тигр полосатый». Так она его и назвала на экзамене!). А кроме имен – серьезная литература: Н.М. Никольский, И.М. Дьяконов. А еще до них – главный ужас, «Формы, предшествующие капиталистическому производству» К. Маркса. Как мы страдали над этими заметками гения! Все слова, вроде бы, понятны по отдельности – но смысл фраз абсолютно темен! И казалось, что ты безнадежно туп, раз не можешь понять прочитанного – но потом оказывалось, что другим тоже ничего не понятно. Таисия Павловна читала с нами текст, строку за строкой, объясняя непонятное, показывая ход мысли, и вот уже во мраке появлялся просвет. Я не говорю, что делалось понятным все, это просто невозможно, но набор слов постепенно превращался в некое более или менее понятное единство.

Но вот «Формы...» остаются позади, начинаются Законы Хаммурапи (кстати говоря, методически удачно получалось – мы читали их параллельно с «Русской Правдой», которую одновременно изучали на практических по истории СССР досоветского периода, сравнение этих памятников давало материал для размышлений). Мы читали законы статью за статьей, разумеется, в рамках проблемы, обозначенной в теме занятия. Прочитали – прокомментировали, высказали предположение о смысле явления, которое отражает статья. Предположения бывали разные, но иногда они попадали в точку, и тогда раздавалась примерно такая фраза: «Вот! Вот вам концепция И.М. Дьяконова!». Пусть это было открытие уже открытого, но это было самостоятельное открытие, на основе источника; готовясь к следующему занятию, мы читали рекомендованную литературу, и серьезные научные проблемы казались уже не такими сложными.

После такой хорошей школы работы с источниками и литературой было уже достаточно просто писать курсовую работу по истории древней Греции и Рима во втором семестре. Тем, кто этого не видел, сейчас уже трудно представить те курсовые, написанные от руки на тетрадных листах, в которые все исправления нужно было вносить при помощи ножниц и клея. Таисия Павловна читала их внимательнейшим образом, и поля были исписаны ее пометками, от принципиальных замечаний до исправления грамматических ошибок, если таковые встречались (впрочем, проблемы с расстановкой запятых бывали практически в каждой работе). При этом автор замечаниями не подавлялся и был вправе остаться при своем мнении, даже если оно было не вполне приемлемым. Сужу об этом по своей работе – я осмелился спорить с самим Энгельсом, что, конечно, было идеологическим проступком. Речь шла о его утверждении, что захват власти Писистратом в Афинах не оставил никаких следов в формировании Афинского государства. Споря с одним классиком марксизма, я противопоставлял ему другого: во времена Писистрата в Афинах были два из трех признаков государства, на которые указывал В.И. Ленин. Таисия Павловна попыталась доказать мне, что я не прав, что я понимаю фразу слишком узко; я действительно мыслил тогда слишком прямолинейно, но настаивал на своем с юношеской упертостью. В конце концов, критика Энгельса так и сохранилась в зачетной работе.

По поводу этой же курсовой случился еще один спор с Таисией Павловной, на этот раз относительно конкретного исследования. Среди рекомендованной по теме литературы была книга К.К. Зельина «Борьба политических группировок в Аттике». Работа великолепная во всех отношениях, как я сейчас понимаю, но как же она была трудна для первокурсника! Но главное было даже не в трудности. На первом курсе еще не понимаешь до конца, что в науке из того, что «все так думают» вовсе не следует, что правы эти все, а не какой-нибудь одиночка. К.К. Зельин и был таким одиночкой, который шел против течения, и мне это не понравилось, мне были ближе представления о Писистрате как защитнике демоса. Я критиковал его в своей работе, и Таисия Павловна сказала, что это первая рецензия на его книгу, кото-

рую она прочитала. При этом она постаралась объяснить мне, чем так хороша и необычна эта книга, закончив разговор словами: «Будешь на пятом курсе, мы еще об этом поговорим». Разговор этот состоялся, но не на пятом курсе, а чуть позже, когда я уже работал по распределению, и долгими вечерами пополнял прорехи в своем образовании. К этому времени уже были прочитаны многие работы А.Я. Гуревича и Г.С. Кнабе, и на этом фоне К.К. Зельин воспринимался уже не резко критически, а восторженно. При встрече с Таисией Павловной я поспешил признать свою давнюю неправоту, и вот теперь-то мы поговорили об этой работе серьезно! Это была только одна ситуация из нескольких, когда Таисия Павловна, мягко и ненавязчиво, направляла мысль в нужную сторону, обращала внимание на интересные исследования, заставляла задумываться. Она умела увидеть материал с неожиданной стороны, и никогда ее наблюдения и советы не оказывались бесполезными, ни на первом курсе, ни во время работы над дипломом.

Что касается дипломных работ, то никто, наверное, не работал с ними так тщательно, как Таисия Павловна. Картина, которую доводилось видеть многократно: 16 аудитория в нашей старой «четверке»; у дальней стены этого просторного помещения Таисия Павловна с одной-двумя, а то и больше, заочницами обсуждает принесенные ими готовые части работы. Эти обсуждения длились долго, могли затянуться часа на два-три, зато на защиту выходили работы, идеально оформленные, вычитанные, без грамматических ошибок, и, самое главное, оригинальные по содержанию, а не просто списанные с трех-четырех книг, как это частенько бывало на заочном. Работы были разные – об исследователях античной истории, об античной педагогике, истории античного быта, истории античной религии. Мне запомнилась, например, работа об одном из моих любимцев – выдающемся французском историке Рима Гастоне Буассье. О нем обычно подробно не писали – чего с него взять, историк-идеалист, не понимал значения экономики; дипломнице приходилось собирать материал по крупинкам, в дореволюционных российских журналах и в тех томах французского журнала *Revue des Deux Mondes*, которые каким-то чудом оказались в нашей Научной Библиотеке. В итоге получилась очень содержательная работа, написанная с любовью к ее герою; первая биографическая статья о Буассье, обстоятельное предисловие Э.Д. Фролова к его собранию сочинений, появилась лишь года через два после этой работы.

Внимательна была Таисия Павловна и к работам, на защитах которых выступала в качестве оппонента. В те времена защита дипломов не превратилась еще в полную профанацию. Несмотря на то, что дипломников было много, на трех отделениях их набиралось полтора-два человека, в день защищались 5–6 человек, и защита каждого длилась минут 30–40. Речь оппонента была настоящим выступлением, а не формальной отпиской, и Таисия Павловна была одним из самых интересных оппонентов. Она умела находить в работах сильные стороны, и несколько раз бывало так, что она оценивала моих дипломников выше, чем оценивал я сам, будучи научным руководителем. У нее были свои критерии. Кто может сказать, например, что такое «уютная работа»? А

между тем именно так Таисия Павловна отозвалась об одной из работ: «Она такая уютная!». В немногих словах она умела создать образ и работы, и ее автора. «Это смесь Моммзена и школьного ведущего КВНа» (о работе, очень тщательно написанной, с весьма критическим подходом к литературе, в том числе и к работам научного руководителя, но при этом временами переходящей на стихотворные ритмы: ее автор работал в школе и одновременно с написанием диплома готовил выпускной вечер. Кстати, несмотря ни на что, от стихотворной формы глубина изложения не страдала). Или еще, итоговый вывод о дипломе на странную тему «Стоит ли искать Атлантиду?»: «Атлантиду дипломница не нашла, но что искать умеет, показала!» Такого рода фразы бывали в ее выступлениях на защитах дипломов почти всегда.

Стоит вспомнить и то, какую помощь Таисия Павловна оказывала всем нам, кто еще только начинал преподавательскую деятельность. Она хвалила, делилась своим опытом и мягко указывала на ошибки. Последнее особенно важно – иногда такие указания превращаются в публичный разнос, преподаватель со стажем подчеркивает свое величие на фоне молодого коллеги. Таисия Павловна никогда такого не допускала. Обычно она разговаривала об ошибках наедине, в предельно уважительной форме, иногда характеризуя ошибки с необходимым юмором. Это была замечательная школа, и пройти такую школу довелось далеко не каждому.

Тем временем настали окаянные времена, все стало стремительно меняться, и не в лучшую сторону. Таисия Павловна не встала в ряды выбросивших свои партбилеты перевертышей. Она глубоко чтит память своего деда-священника, погибшего в лагерях – но это не мешало ее яростной борьбе за советское наследие. Она была слишком совестливая, чтобы извлекать капитал из трагедии (один из коллег по факультету как-то сказал о ней: «Таисия Павловна – это совесть нашего факультета!»). Погибший дед был ее союзником в этой борьбе. Мне довелось слышать, как она сказала одному священнослужителю, обличавшему Павлика Морозова: «А вот мой дед, священник Сошестввенский, никогда бы не сказал такого! Он бы помнил только о том, что это ребенок, мученически погибший от рук своих близких родственников!» Нападки на героев советского прошлого иногда доводили Таисию Павловну почти до слез – и она бросалась на их защиту. Она стояла за них на защитах дипломных работ, где в соответствии с новыми веяниями доказывалось, что не было панфиловцев, а заградотряды стреляли в спину своим; она защищала их в разговорах; она защищала их на своих занятиях, которые иногда вдруг переносились на тысячелетия вперед, с Древнего Востока к нашей проклятой современности.

В эти годы она много читала, пока периодика была доступной; но даже когда цены на журналы взлетели, а сами они утратили свою остроту, Таисия Павловна регулярно читала газету «День», нынешнюю «Завтра», и не просто читала – изучала. Свежий номер газеты покрывался ее пометками, подчеркиваниями, стрелками. В бессмыслице, которая воцарилась в стране, она пыталась найти смысл – и, надо отдать должное, иногда находила. Проходило какое-то время после того,

как она поделилась своими наблюдениями, – и вот то, о чем она говорила, можно было услышать по радио или телевизору, или прочитать в газете. Разумеется, не все – но понимать все не может никто. Таисия Павловна хранила в памяти огромный массив информации; иногда эта информация преломлялась довольно странно, если судить с точки зрения рационально мыслящего человека, но Таисия Павловна видела мистический смысл событий, как и уважаемый ею А.А. Проханов. Я думаю, людям рациональным и приземленным просто не дано постигнуть эту мистику, вот и все, странности здесь никакой. Наверное, многолетнее преподавание истории Древнего Востока приучило Таисию Павловну придавать такое значение миру слов и символов, и потому ей было понятно многое, непонятное окружающим. Казалось бы, что особенного в словосочетании «цивилизация России Петром»? Большинство людей даже не обратит на него внимания – но Таисия Павловна видела здесь и кальку с французской фразы, и унижение тысячелетней русской истории до Петра. Словари были ее неразлучными спутниками в эти годы, она проверяла этимологии слов, улавливала подмены смыслов, говорила об этом. Наверное, не всем студентам было понятно то, о чем она говорила, но слушали ее с интересом; саму Таисию Павловну очень развеселило, когда она услышала, что студенты называют ее «прикольная бабуленция».

Многое, многое успела бы еще сделать Таисия Павловна, много такого, что не имеет материального выражения, но от этого не делается менее ценным, на многих бы она еще могла оказать свое животворное влияние. Я уверен: ее убила гибель любимого факультета, превращение его в Институт истории и международных отношений. За три десятилетия я ни разу не видел Таисию Павловну такой, какой она была после того, как узнала об этом. Лицо ее было какое-то перекошенное в саркастической гримасе: «Это что, мы теперь институт? А я тогда кто? Институтка? Ну, хорошо хоть, что не про...!» (последнего слова она договаривать не стала). Ее можно понять: в жертву личным амбициям был принесен истфак, на котором прошла вся ее жизнь, один из лучших истфаков страны. Перенести этого она не смогла.

Т.П. Кац (1950-е – 1970-е годы).
Фото из семейного архива.

Т.П. Кац (1980-е – 2000-е годы).
Фото из семейного архива.